

Olga Lidenkova

DOI: 10.15290/bb.2020.12.26

Homelski Państwowy Uniwersytet

im. Francyska Skaryny

<https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>

**Инварианты художественной репрезентации истории
Алесем Аркушам:
контекст современной белорусской прозы**

Историческая тематика в белорусской литературе остается востребованной на протяжении последних десятилетий и популярность ее среди читателей неизменно растет. При этом в прозе современных белорусских писателей как старшего, так и самого молодого поколений появляется ряд универсальных мотивов и образов, с помощью которых авторы обращаются к актуальным проблемам памяти, трансляции и преемственности культурных установок, возрастает потребность в современном переосмыслении ключевых моментов истории, инвариантов в подходах к художественному отображению национально-го прошлого. Можно с полным основанием утверждать, что в своих романах полоцкий писатель Алесь Аркуш сконцентрировал основные мотивы, клише и инварианты восприятия и трактовки национального прошлого, свойственные белорусским авторам последних десятилетий.

1) Тема утерянных реликвий или клада.

Многие критики и читатели отмечают одержимость белорусских писателей темой старинных сокровищ: *Ну колькі ўжо ёсць беларускіх твораў, дзе так ці інакш шукаюць нейкі артэфакт, звязаны з велічнай гісторыяй Вялікага Княства (...) Гэта ўжо стала банальнасцю. І тое, што артэфакт у выніку робіцца недаступным і вабным – не спойлер, а штамп. Увогуле, здаецца, беларусы памяшанья на тэмах скарбаў. І абавязковых зваротаў да мінулага*¹. Однако подобная тен-

¹ К. Курчанкова, *Рэцэнзія на кнігу: Алесь Аркуш, Сядзіба*, [online], <https://www.livelib.ru/review/958199-syadziba-ales-arkush>, [доступ: 12.02.2019].

денция напрямую отражает особенности национальной истории, которая многие годы и даже столетия – в зависимости от меняющихся общественных условий – замалчивалась, открыто уничтожалась, фальсифицировалась, либо навсегда исчезала в закрытых архивах. Архитектурные и художественные шедевры разрушались или вывозились, и все эти недостижимые сокровища являются *марамі нацыянальнай інтэлігенцыі аб вяртанні і засваенні духоўных набыткаў народу, скрадзеных, здраджаных, заняджаных*². Образ клада – похороненного прошлого – становится ключом к пониманию себя, своей идентичности, неотъемлемой частью культурного кода, символом того, что мы потеряли и никогда не перестанем искать.

Недоступным клад остается по вполне простой причине отсутствия достойных наследников и условий для принятия правды о себе. После краткой экскурсии вход в полоцкие лабиринты и легендарные летописи всегда скрывается (Л. Рублевская, А. Аркуш), кубок Батория/ корону Витовта забирают на хранение воды моря или реки. Легенде не время вернуться, так как мы физически не можем ее защитить: *А ты хацеў бы, каб кубак знайшоў сьледчы Цісовіч? (...) Ды не, якраз гэта быў бы вельмі кепскі фінал. Бо кубак далей абавязкова сплыў бы ў расейскія, можа крамлёўскія, стовы, як і сотні іншых нашых рэліквіяў*³.

Поэтому тема кладов неизменно оказывается связана с ощущением необратимой утраты (Мажиловский, Рублевская, Аркуш и др): *Большасць каштоўных археалагічных знаходак (...) апынуліся ў фондах музеяў Масквы і Ленінграда. Вярнуць іх законным гаспадарам ужо было немагчыма*⁴.

На почетное место в национальном музее или достойный памятник не может рассчитывать даже всемирно признанный герой или художественный гений: *На жаль, зьездзіць у музей-сядзібу Івана Хруцкага можна будзе яшчэ ня тутка. Пакуль ва ўладаў хапае грошай толькі на адбудову сядзібы Ільмі Рэіна*⁵.

Поэтому и не даются зачатые сокровища в руки ленивых и апатичных потомков, которые не задают даже очевидных вопросов, и в оценке которых звучит вполне заслуженная авторская ирония: *А табе не падаецца дзіўным, што не захаваліся звесткі пра месца*

² С. Шыдлоўскі, *Кніга з Полацка: да традыцыі полацкай метагістарычнай прозы*, “Маладосць” 2017, № 5, с. 142.

³ А. Аркуш, *Сядзіба: раман*, Полацк 2017, с. 129.

⁴ А. Аркуш, *Захон Беларусі марсіянамі: раман*, Полацк 2016, с. 39.

⁵ Там же, с. 69

пахаваньня такой значнай асобы ў легендах і паданьнях. – Хочаш сказаць, што Ёсяслаў не памёр, а жыве па сёньня? (...) – Хачу сказаць, што з полацкай гісторыяй зусім кепска, калі да сёньня невядомыя такія рэчы⁶.

Сама неуволимость придает сокровищу ореол мистики и легендарности, к чему и стремится большинство авторов: *Часам легенда пра скарб больш істотная за сам скарб. Скарб знайшлі, скарыстамі – і ўсё. А легенда жыве стагодзьдзямі⁷.* И если человек несвободен и может в любой момент лишиться всего, а материальное наследие превратиться в руины или тюрьму – мысль, идея – единственное, что ему остаётся: *І што ты можаш пакінуць свайму гораду? Толькі верш. Толькі міт⁸.*

2) Артефакт в центре внимания наделяется символикой Святого Грааля белорусской истории (недаром это кубок у Аркуша, Рублевской) либо апеллирует к образу божественной / королевской власти как символу государственности (корона Витовта). И в этом проявляется квазирелигиозный характер патриотизма белорусских героев, где утрата святости становится и следствием, и причиной упадка национального: *згубіўшы рэліквію, род Зяновічаў пачаў занепадаць, гэтаксама як і яго Бацькаўшчына⁹.* Отсюда сближение понятий патриотизма и святости (Дайнеко, Ипатова, Ковтун, св. Торвальд у Аркуша), внимание к могилам и местам захоронения героев, в отношении которых употребляется понятие «пантеон»: *не захавайся ні пантэон полацкіх князёў¹⁰,* солярная символика в описании положительных персонажей: *Постаць яго празрыстая, як з туману. І толькі на грудзях штосьці зырка адбівае промні сонца¹¹.*

3) В раскрытии темы национальной истории писатели последовательно воплощают принцип «В начале было Слово», который реализуется на нескольких уровнях.

Во-первых, самым ценным кладом неизменно оказываются не вещественные сокровища, а текст. Герои белорусских писателей неизменно делают выбор в пользу знаний и приоритетом для них всегда является поиск архивов, тайных библиотек и документов, *Бо часам*

⁶ А. Аркуш, *Сядзіба...*, с. 84.

⁷ А. Аркуш, *Спадчына: раман*, Полацак 2018, с. 91.

⁸ Там же, с. 91.

⁹ А. Аркуш, *Сядзіба...*, с. 73.

¹⁰ Там же, с. 84.

¹¹ Там же, с. 37.

веды даражэй за любыя скарбы¹². Написанное слово – единственно гарантированная форма земного бессмертия (*Тут быў Іван Шагойка*¹³, каллиграфическим почерком пишет на деревянном бортике фонтана герой Аркуша). Текст – материальное выражение памяти, сгущение времени и эпохи, поэтому самым ценным предметом в кладе из романа Аркуша «Спадчына» становится старая перьевая ручка, *галоўная прылада працы і зброя*¹⁴, поэтому другой его герой Алесь Дударь *най-больш узрадаваўся б, напрыклад, нейкім невядомым рукапісам ці кнігам*¹⁵, *што самым старанным чынам хаваюць у архіўных спэцсховах. Веды і памяць*¹⁶, этот *скарб неацэнны*¹⁷ и единственный, которого даже репрессии не смогли отнять у героев белорусской прозы.

Во-вторых, творческое слово автора делает его демиургом, творцом своей версии исторического мифа, позволяет домыслить, восстановить недостающие кусочки исторической мозаики с уверенностью, что этот творческий импульс имеет силу воплотить созданный образ, концепцию в жизнь: *Я танчу ў памяць пра Паэта, які аднойчы прачытаў мне верш і даказаў: паззія здольная ўплываць на жыццё*¹⁸, – утверждает В. Орлов; *адзінкі (...) маглі рабіць сапраўдныя цуды. Гэта калі напісанае ажывала і рабілася рэальнасьцю. Дакладней, яно рэальна ўплывала на жыццё людзей*¹⁹, – верят персонажи А. Аркуша.

И такая позиция обоснована, ведь любое действие начинается с мысли, и заложить плодотворную, продуктивную идею – это цель большинства героев: *Але навошта выснова і выбар, якія нічога ня могуць змяніць рэальна? (...) Спачатку была думка, затым было слова, потым нарадзілася ўсё астатняе. Аджаз спадабаўся Крокве*²⁰.

И в таком случае творческая интуиция оказывается инструментом выявления исторической правды ничуть не худшим, чем конвенциональные методы исследования. Преобладает ощущение, что мир идей действительно может породить мир вещей. Так происходит с героем «Спадчыны», который выстраивает гипотезу о жизни И. Шагойко, только чтобы потом получить документальное подтверждение ее пра-

¹² А. Аркуш, *Захон...*, с. 47.

¹³ А. Аркуш, *Спадчына...*, с. 129.

¹⁴ Там же, с. 140

¹⁵ А. Аркуш, *Захон...*, с. 47.

¹⁶ Там же, с. 97.

¹⁷ А. Аркуш, *Палімпсэст: роман*, Мінск 2012, с. 61.

¹⁸ У. Арлоў, *Танцы над горадам*, «Дзеяслоў» 2016, № 79, с. 44.

¹⁹ А. Аркуш, *Захон...*, с. 30.

²⁰ Там же, с. 78.

вильности: *Аказваецца, усё тое, што мы ўяўлялі сабе, хутчэй нават фантазіравалі, – праўда*²¹.

И здесь как раз очень важным оказывается акцент не только на сухую фактологическую достоверность, но на ощущения от конкретного исторического периода, внимание не на факты и хронологию, а именно на атмосферу, впечатления от описываемых событий – отличительная черта в изображении конкретной эпохи таких писателей, как Аркуш, Рублевская, В. Орлов (в поздних произведениях), которые прежде всего ориентируются на создание «имиджа» страны. И только реалистических средств изображения в таком случае оказывается недостаточно.

4) Элементы магического реализма, фантастики (или метафизики, как предпочитает ее называть А. Аркуш), манипуляции с временем, пересоздание реальности – необходимые инструменты для обращения к сложным и не до конца разрешенным проблемным моментам национальной истории, трансляции своего видения и, прежде всего, желаемого эмоционального отклика на представленную концепцию национальной идентичности.

С. Шидловский назвал полоцкую литературу метаисторической, отмечая первостепенное значение воображения в художественном отображении прошлого: *Полацкім аўтарам-літаратарам прыходзіцца кампенсаваць брак гістарычных крыніц павышанай міфатворчай актыўнасцю*²². С помощью «міфапаэтычнага наратыву» автор интуитивно может восполнить картину реальности. Вполне в согласии с культурологической концепцией Д. Андреева, например, герои Аркуша надеются заполнить пустоты национальной истории, проникнуть в некий невидимый параллельный мир исторического знания: *ёсць нейкая прастора думак*²³. Однако на настоящий момент подобное мифотворчество не является чертой исключительно полоцкой прозы, но – универсальным инструментом большинства писателей, так или иначе затрагивающих тему национальной памяти и национального прошлого. *Насамрэч наша жыццё пераважна дзеецца ў нашым уяўленьні, нашых марах, нашых снах. Калі думка чалавека, як сьцьвярджаюць навукоўцы, рэч матэрыяльная, дык чым тады розьніца рэальнасць ад выдуманнага?*²⁴

²¹ А. Аркуш, *Спадчына...*, с. 147.

²² С. Шыдлоўскі, *Кніга...*, с. 141.

²³ А. Аркуш, *Спадчына...*, с. 143.

²⁴ А. Аркуш, *Палімпсэст...*, с. 101.

Прозрения, видения и беседы с призраками, сны – все это инструменты диалога, познания и трансформации действительности.

5) Миф, как справедливо отмечает С. Шидловский, это и авторские права на кусочек прошлого, ответ на многочисленные примеры “украденной истории”. И одновременно – способ обесмертить свою страну, культуру, народ: *Можна зруйнаваць магiлы, знішчыць курганы, ператварыць у друз храмы, замкі і палацы, але немагчыма знішчыць легенду*²⁵.

6) Творчество большинства писателей старшего поколения отражает неизжитую травму советского периода и кризисного последнего десятилетия XX века.

Нереализованные надежды, кризисные преапокалиптические ощущения страха, которые многие авторы вынесли сначала из советского прошлого, а затем из девяностых, выражаются и в декадентском восприятии города, и в странной нелюбви и даже презрении к джинсовой одежде, которую можно проследить от ранних романов Л. Рублевской до «Каларадской пушчы» С. Квятковского. *Раней мне здавалася, што савецкая спадчына, прынамсі ў Прыбалтыцы, хутка выпетрыцца. Але дзе там! Гэтая спадчына так уелася ў скуру, што немагчыма яе пазбавіцца*²⁶, – разочарованно отмечает герой А. Аркуша.

Ощущение деградации, утраты не только исторического наследия, но и величия, благородства, которая объединяет всех этих писателей, проявляется в постоянном внимании к шляхетскости и аристократизму (не только как социальному явлению, но как художественному выражению внутреннего благородства). Не в последнюю очередь благодаря созданию «высокого» национального мифа творчество В. Короткевича становится эталоном описания национальной истории как для авторов, так и для их героев: *Ну, па-першае, пра нашу беларускую гісторыю, і ня толькі сялянскую*²⁷.

Данная особенность выражается не только в происхождении, но и в выборе имен героев, вдохновением для которых становятся старинные гербы и фамилии (Рублевская, Климович, Адамчик и др.). Шляхетским, созидательным в чем-то «царским» является по этимологии на первый взгляд простое имя «Василь Кроква» героя А. Аркуша.

Отречение от культуры аристократизма – признак вырождения: *Полацак выглядаў так, нібыта былога шляхціца аправулі ў нейкае*

²⁵ А. Аркуш, *Сядзіба...*, с. 129.

²⁶ А. Аркуш, *Спадчына...*, с. 53.

²⁷ Там же, с. 142.

рызьзё – у абліччы адчувалася былая веліч, але «вопратка» была жаслівая. Змрочнае ўражаньне ўзмацняла гарадзкая тапаніміка: усе гэтыя звыродлівыя назвы вуліц – Савецкая, Фрунзэ, Леніна, Камуністычная, Карла Маркса, Войкава. І гэта ў самым гістарычным цэнтры горада²⁸.

Близкое понятие индивидуализма как признак свободы неизменно противопоставляется безликой массе. Единомышленники вынуждены скрывать свою способность независимо мыслить от подозрительного внимания общества: *Сам па сабе індывідуум зьнік як нетутэйшая форма жыцьця*²⁹. Возможно, в этом частично корни стремления к элитарности и герметичности (что начинает восприниматься как одно и то же) части белорусских литераторов. Первые романы А. Аркуша, например, написаны с расчётом на достаточно узкий круг людей: *Большасць майх раманаў досыць герметычныя. Напрыклад, раман “Мясцовы час”, (...) па-мойму, не будзе зразумелы шырокому колу чытачоў*³⁰. Такой же тип автора воплощает его герой Василь Кроква: *ніколі не арыентаваўся на нейкія моды, запатрабаванні выдаўцоў або на патрэбу замежнага чытача. Ягоныя раманы былі герметычныя і скіраваныя выключна на беларускую аўдыторыю*³¹.

Еще одно наследие прошлого – романтизация и облагораживание страданий. Герой-жертва – частый тип в произведениях Дайнеко, Ипатовой, Рублевской. Достаток и благополучие видятся чем-то мещанским и недостойным, переходят в процесс осуждения общества потребления, что несколько удивительно, так как это самое общество и влиятельный средний класс так и не успели полноценно сформироваться: *... ў крамах зьявілася шмат розных прадуктаў. Потым людзі развучыліся рабіць сьвяты і ствараць рытуалы*³².

Разумеется, вышеперечисленные черты не исчерпывают всей специфики художественного отображения темы исторического прошлого в белорусской прозе. Присутствует общее стремление найти исторические связи с другими, более древними культурами и цивилизациями (скандинавской для Аркуша, римской для Рублевской или Дайнеко)

²⁸ А. Аркуш, *Мясцовы час: раман*, Полацк 2014, с. 14.

²⁹ А. Аркуш, *Палімпсэст...*, с. 114.

³⁰ С. Дэдэрка, *Алесь Аркуш свой пяты раман прысвяціў Спадчыне*, [online], <https://budzma.by/news/alyes-arkush-svoy-pyaty-raman-prysvyciuv-spadchynye.html>, [доступ: 07.02.2020].

³¹ А. Аркуш, *Загон...*, с. 9.

³² А. Аркуш, *Спадчына...*, с. 116.

как способ легитимизации собственной государственности, обязательное акцентирование языковой проблемы: *Для Дудара не было ніякага іншага варыянту будучыні роднай Беларусі, як толькі ў разьвіцьці і пашырэнні роднай мовы*³³. Склонность вставлять исторические отсылки в самые невинные реплики персонажей. *Нібыта з Грынвальдзкай бітвы вярнуўся*, – описывает потрепанного пса героиня “Сядзібы”³⁴. Универсальна увлеченность как авторов, так и их героев творчеством Вацлава Ластовского и Владимира Короткевича вплоть до прямых цитат и заимствования имен героев: *Кроква любіў Ластоўскага. А ягоную аповесьць «Лябірынты» лічыў сваёй настольнай кнігай*³⁵.

Можно заключить, что отображение исторической темы белорусскими авторами среднего и старшего поколения строится на парадоксах: борьба с одиночеством и одновременно упоение своей непонятностью и исключительностью, отвержение мировоззренческого наследия репрессивной кризисной эпохи и одновременная романтизация страданий, признание нежизнеспособности деревни в современном обществе и видение города как некоего потустороннего мертвого пространства. Создается концепция не реального, но идеального прошлого, «золотого века» аристократизма духа, ведется постоянный ностальгический поиск себя, явно ощущается стремление возродить возвышенное творческое, мифологизированное ощущение прошлого. Все это ведет к сплаву романтических (новый взгляд на привычные вещи, акцент на готические элементы, идеализацию прошлого, желание показать чудесное в обыденном, населив его в том числе природными духами и отголосками фольклорных верований), модернистских (экспрессионизм и глубокий внутренний психологизм, слияние сна и реальности) и постмодернистских элементов (магический реализм, фрагментация и стилистический минимализм, пародийность и пастиш, элементы метапрозы, выраженная интертекстуальность и др.).

L I T E R A T U R A

Arkuš A., *Mâscovy čas: roman*, Polack 2014 [Аркуш А., *Мясцовы час: роман*, Полацк 2014].

Arkuš A., *Palimpsest: roman*, Minsk 2012 [Аркуш А., *Палімпсэст: роман*, Мінск 2012].

³³ А. Аркуш, *Захон...*, с. 6.

³⁴ А. Аркуш, *Сядзіба...*, с. 92.

³⁵ А. Аркуш, *Захон...*, с. 13.

- Arkuš A., *Spadčyna: raman*, Polacak 2018 [Аркуш А., *Спадчына: раман*, Полацк 2018].
- Arkuš A., *Spadčyna: raman*, Polacak 2018 [Аркуш А., *Сядзіба: раман*, Полацк 2017].
- Arkuš A., *Zahor Belarusi marsiânamì: raman*, Polack 2016 [Аркуш А., *Захор Беларусі марсіянамі: раман*, Полацк 2016].
- Arloŭ U., *Tancy nad goradam*, “Dzeâsloŭ” 2016, № 79 [Арлоў У., *Танцы над горадам*, “Дзеяслоў” 2016, № 79].
- Dèdèrka S., *Ales’ Arkuš svoj pàty raman prysvâciŭ Spadčynie*, [online], <https://budzma.by/news/alyes-arkush-svoy-pyaty-raman-prysvyaciw-spadchynye.html>, [dostup: 07.02.2020] [Дэдэрка С., *Алесь Аркуш свой пяты раман прысвяціў Спадчыне*, [online], <https://budzma.by/news/alyes-arkush-svoy-pyaty-raman-prysvyaciw-spadchynye.html>, [доступ: 07.02.2020].
- Kirkevich A., *Kamu i navošta varta èytac’ “Tancy nad goradam” Arlova*, [online], <https://budzma.by/news/kamu-i-navoshta-varta-chytac-tancy-nad-horadam-arlova.html>, [dostup: 12.01.2020] [Кіркевіч А., *Каму і навошта варта чытаць “Танцы над горадам” Арлова*, [online], <https://budzma.by/news/kamu-i-navoshta-varta-chytac-tancy-nad-horadam-arlova.html>, [доступ: 12.01.2020].
- Kurčankova K., *Rècènzîâ naknìgu: Ales’ Arkuš “Sâdziba”*, [online], <https://www.livelib.ru/review/958199-syadziba-ales-arkush>, [dostup: 12.02.2019] [Курчанкова К., *Рэцэнзія на кнігу: Алесь Аркуш “Сядзіба”*, [online], <https://www.livelib.ru/review/958199-syadziba-ales-arkush>, [доступ: 12.02.2019].
- Šydloŭski S., *Knìga z Polacka: da tradyciŭ polackaj metagìstaryčnaj prozy*, “Mala-dosc” 2017, № 5 [Шыдлоўскі С., *Кніга з Полацка: да традыцыі полацкай метагістарычнай прозы*, “Маладосць” 2017, № 5].

РЕЗЮМЕ

ИНВАРИАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ
АЛЕСЕМ АРКУШАМ: КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЫ

Вопросы культурного наследия и вопросы исторической правды были ключевыми в белорусской литературе на протяжении последних десяти лет, более того, их популярность и актуальность как для авторов, так и для читателей постоянно растет. Вместе с этим часто можно выделить множество повторяющихся мотивов и образов, появившихся в художественной литературе тех современных белорусских писателей, которые обращаются к критическому переосмыслению истории страны. С помощью таких мотивов авторы рассматривают проблемы исторической памяти, идентичности и культурной преемственности. В статье представлены «инварианты» литературного представле-

ния истории, часто определяемого исторической травмой советских и постсоветских времен.

Ключевые слова: современная белорусская литература, миф, тема, культурная преемственность, историческая травма.

STRESZCZENIE

INWARIANTY LITERACKIEJ REPREZENTACJI HISTORII NA PRZYKŁADZIE TWÓRCZOŚCI A. ARKUSZA

Pytania dotyczące kulturalnej spuścizny i kwestii prawdy historycznej były kluczowe w literaturze białoruskiej w ciągu ostatnich dziesięciu lat. Ich popularność i znaczenie zarówno dla autorów, jak i czytelników stale rośnie. Jednocześnie można wyróżnić wiele powtarzających się motywów i obrazów, które pojawiły się w utworach tych współczesnych białoruskich pisarzy, którzy zwracają się w kierunku krytycznej reinterpretacji historii kraju. Za pomocą takich motywów autorzy omawiają pilne problemy historycznej pamięci i ciągłości kulturowej.

Artykuł przedstawia «inwarianty» literackiej reprezentacji historii, często determinowanej historyczną traumą czasów radzieckich i poradzieckich.

Słowa kluczowe: współczesna literatura białoruska, mit, motyw, ciągłość kulturowa, trauma historyczna.

SUMMARY

LITERARY INVARIANTS IN THE REPRESENTATION OF HISTORY IN THE WORKS BY A. ARKUSH

The questions of historical past and cultural heritage have been central in Belarusian literature over the past decades. Moreover, their importance for both authors and readers is steadily growing. At the same time, a number of recurrent motifs and images, with the help of which the authors address the urgent problems of historical memory, identity and cultural continuity have resurfaced in the fiction of contemporary Belarusian writers, who are addressing the need for a modern reinterpretation of key moments in national history. The article aims to single out “invariant” approaches to the literary representation of the national past often determined by the historical trauma of the Soviet and post-Soviet periods.

Key words: contemporary Belarusian literature, myth, motive, cultural continuity, historical trauma.